

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

ФИЛОЛОГИЯ, ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

VI Бағызбаева оқулары

ЗАМАНАУИ ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛАШАҒЫ

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
80 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары

Алматы, 25 сәуір 2014 жыл

VI Бағизбаевские чтения

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию
Казахского национального университета имени аль-Фараби

Алматы, 25 апреля 2014 года

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

мутно, досадно, грустно, боязно, совестно, неловко, жаль (жалко), скучно, трудно, тяжело, смешно, радостно, тревожно, гордо и т. п. Выражение чувств и эмоций в творчестве многих писателей и поэтов часто облекается в форму безличных предложений, передающих душевное состояние. Это особенно характерно для художественной литературы.

В данной группе в испанском обнаруживается многообразие эквивалентов. Встречается довольно часто структуры сочетания глагола *dar* + существительное. Например: мне стыдно *me da vergüenza*, мне жутко *me da miedo*, мне грустно *me da tristeza*.

Учитывая регламент, мы не сможем рассмотреть и другие группы, как:

1. Безлично-предикативные слова, выражающие временные и пространственные отношения: далеко, близко, глубоко, мелко, высоко, низко, просторно, тесно, рано, поздно, долго, широко, узко, свободно и т.п.

2. Безлично-предикативные слова, выражающие отрицательную или положительную оценку какого-либо состояния или действия, являются ответом в диалогической речи на поставленный вопрос или подтверждением сказанного: хорошо, плохо, верно, правильно, здорово, прелестно, прекрасно и т.п.

3. Безлично-предикативные слова, имеющие модальное значение: надо, нужно, можно, нельзя, возможно, должно, необходимо и т.п.

4. Безлично-предикативные слова с модальным значением, выражающие проявление чего-нибудь в достаточной, по определению говорящего, мере, обозначающие необходимость прекращения действия: достаточно, довольно, полно, хватит, будет и т.п. Эта группа вплотную примыкает к шестой группе, но лексически она ограничена еще больше.

5. Отдельную группу категории состояния составляют безлично-предикативные слова именного происхождения, выражающие модально-этическую оценку поступков человека: грех, смех, срам, стыд и т.п.

Представленный вашему вниманию материал позволяет сделать некоторые заключения:

- 1) В отличие от русского, в испанском категория состояния как научная проблема не ставилась.
- 2) В испанском отсутствует такой объем слов, заканчивающихся на *-o*, объединенных в единой группе и с одинаковым функционированием.
- 3) Наблюдается, что в рамках рассматриваемой группы в русском языке, в испанском существует большее разнообразие конструкций.

Сансызбаева С.К.

*к.ф.н., доцент кафедры русской филологии,
русской и мировой литературы
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы*

Зоометафоры в языковой картине мира

В исследованиях последних десятилетий красной нитью проходят проблемы взаимовлияния языка и культуры, так как именно язык является феноменом культуры, отражением духовной жизни народа, нации, репрезентирует человеческое мышление. С точки зрения семиотики и язык, и культура являются знаковыми системами. Язык реализуется через коммуникативные акты при помощи фоновых культурных знаний носителей языков, тогда как культура реализуется только в языке.

Взаимосвязь языка и культуры находит отражение в употреблении зооморфических метафор – наименований животных, используемых для характеристики человека. Общеизвестно, что именно названия животных, птиц, насекомых чаще всего являются объектом метафоризации, поскольку с их непосредственным участием во многих языках осуществляется качественная характеристика человека, его внешнего облика, поведения, умственных способностей, внутреннего состояния. Самыми древними проявлениями художественного творчества считались культовые изображения животных. Образы животных – это своего рода зеркало гуманизма и цивилизованности каждого народа. Границы культуры проходят там, где человек, выделяя себя из природы, устанавливает сознательные отношения с иными ее представителями, соотносит себя с ближайшими соседями, со своими «братьями меньшими». Животное обладает определенными

внешними данными, своим собственным видовым и даже индивидуальным характером, в чем-то схожим с внешностью и характером того или иного человека. При этом особенности животного и его название могут переноситься на человека, приписывая ему разные черты, начиная от внешних и внутренних свойств, заканчивая социальным положением, степенью общительности, образа жизни и др. Перенос осуществляется в соответствии с традициями национальной культуры, с религией и самосознанием народа.

Язык репрезентирует культуру народа-носителя, его ментальность. Этнокультурные особенности проявляются практически на всех уровнях языка, но наиболее ярко они отражаются на его идиоматике. Рассмотрим некоторые примеры зооморфных сходств и различий, зафиксированных в паремиологии русского и казахского языков. Так, название животного *волк/қасқыр* в русском и казахском языках зачастую является описанием жадного, злого, вероломного человека. Подтверждением тому являются пословицы русского языка: «*Сколько волка не корми – он все в лес смотрит*», соответствующее казахскому «*Асыранды қасқырда далаға қарап ұлиды*» (прирученный волк все равно воет в сторону степи), «*Волк в овечьей шкуре*», «*Волком выть*», «*Смотреть волком*» и др. В казахском языке выделяются следующие: «*Борінің аузы жесе де қан, жемесе де қан*» (украд волк или нет, а пасть у него всегда в крови), «*Қасқыр қасқырлығын қоймайды*» (волк не перестанет быть волком), «*Қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады*» (волка бьют не за то, что он сер, а за то, что он овцу съел), характеризующие постоянство признаков «жадность», «ненасытность». Отсюда следует, что коннотативная семантика зооморфизма *волк* является общей для русского и казахского языков.

Среди русско-казахских зооморфных сходств наиболее яркими являются следующие: употребляющиеся в значении «преувеличение»: «*Делать из мухи слона*» – «*Түймедейді түйедей етіп*» (из пуговицы верблюда делать); характеризующие нужду: «*На безрыбье и рак – рыба*» – «*Балық жоқта бақа да балық*» («когда рыбы нет и лягушка – рыба»), обозначающие пользу, выгоду: «*Лучше синица в руках, чем журавль в небе*» – «*Аспандағы сұңқардан қолындағы тұрымтай артық*» (кобчик в руках лучше сокола в небе), «*Өлі арыстаннан тірі тышқан артық*» (лучше живая мышь, чем мертвый лев), «*Таңдағы тауықтан сол күнгі жұмыртқа артық*» (лучше яйцо сегодня, чем курица завтра), характеризующие отношения людей: «*Жить как кошка с собакой*» – «*ит пен мысықтай тұру*».

Использование тех или иных метафор-названий животного мира имеет глубинные корни мотивации, истоки которой кроются в исторической, духовной и религиозной культуре народов. Так, ярким примером выражения национально-культурной специфики как русского, так и казахского языков может служить метафорическое переосмысление названий животных *кошка* и *мысық*. Русскому зоообразу *кошка* свойственны противоречивые коннотативные признаки; так по-русски называют ласковую женщину (девушку, девочку), влюбчивую женщину (девушку, девочку), ловкого, гибкого человека, способного легко и проворно прыгать, взбираться; легкую и неслышную походку называют *кошачьей поступью* и др. Наряду с этим *кошка* является «живучим» зоосимволом, так называют человека, способного выжить в любых условиях. Сравнения *как дохлая кошка*, *драная кошка*, *как кошка с собакой*, *играет как кошка с мышью* репрезентированы в русском языке отрицательными коннотативными значениями. Несмотря на это, метафора русского языка *кошка* не выявляет остро аффективных признаков в отличие от казахского зооморфизма *мысық*. Данное животное считалось казахами недоброжелательным. В отличие от русского народа, для которого кошка является любимым животным (в русской культуре в новый дом сначала пускают кошку «на счастье», чтобы хорошо жилось), казахи не держали ее в качестве домашнего животного, не допускали к беременной женщине и маленьким детям. В связи с этим известны образные языковые единицы *мысық тілеу*, *мысық дәме*, негативное значение которых мотивировано вышеуказанными поверьями.

Использование зооморфических метафор может носить отчасти универсальный, отчасти национально-специфический характер. Например, почти одинаковые ассоциации возникают у носителей русского и казахского языков в связи с метафорическим переосмыслением слов *свинья/шошқа* в значении «грязный, неопрятный, невежественный», *лев/арыстан* в значении «сильный, видный, отважный».

Особый интерес представляют случаи, когда с одной и той же лексемой связаны положительные и отрицательные образы. Например, в сознании носителей русского языка зооморфизм *баран* ассоциируется с глушостью, тупостью и неорганизованностью, что нашло отражение во фразеологизмах: *как баран на новые ворота* «смотрит, уставился: ничего не понимая; разг., неodobр.»; *стадо баранов* – «о тех, кто не имея собственного мнения, слепо следует за кем-

либо, разг. пренебр.». В русском языке *бараньей головой* называют глупого, бестолкового человека, определение *бараньи глаза* характеризует ничего не выражающие, бессмысленные глаза, *вести себя как баран* значит глупо, бестолково, инертно, неорганизованно, безынициативно, действовать стихийно, растерянно, панически.

В противоположность русскому зооморфизму *баран*, в казахском языке обнаруживается положительная оценочность в казахских фразеосочетаниях, устойчивых сравнениях с компонентом *қой*. Лексема *қой* в сознании носителей казахского языка прочно утвердилась с характеристиками человека доброго, спокойного, безвредного. Выражением *қой мінезді* определяют уступчивый характер человека; фразеологизм *қой аузынан шөп алмайтын* употребляется по отношению к человеку, не способному причинить зло кому-либо, соответствует русскому *мухи не обидит*. *Қойдан қоңыр, жылқыдан торы* говорят о неприметном, смирном человеке. Интересно, что для казахского языка характерны различные сравнения, связанные с лексемой *баран*: *қойдай сабау, қойдай қыру, қойдай бауыздау*, возникновение которых связано с тем, что никакое другое животное не позволит убивать, избивать себя, подобно барану, спокойно дожидаясь своей гибели, не спасаясь бегством.

Фразеологизм *қой үстіне бозторғай жұмыртқалады заман* дословно переводится «время, когда жаворонок выводит яйца на спине барана» в значении «мирное время, счастливая, безмятежная жизнь, благоденствие».

Вместе с этим в казахском языке имеет место определение к глазам *қой көз*, что совершенно неуместно в русском языке, поскольку неестественно красивые глаза назвать «бараньими глазами».

Различия в семантических полях метафор *баран/қой* детерминировано дифференциацией в культурных ценностях народов, проявляющейся в частности в том, что для казахского социума баран имел хозяйственную значимость. Данное животное являлось символом и своеобразной мерой достатка и благополучия, что нашло яркое отражение во многих пословицах: «*Малды бақсаң, қойды бақ, май кетпейді шараңнан*», «*Қойдың сүті қорғасын*», «*Қойы көптің – тойы көп*», «*Қой жүрген жер береке*», «*Қой – байлық*» и др.

Признаки «кроткий», «смирный» находят отражение в русском языке только в зооморфизмах *овца, ягненок*. Однако в некоторых сравнительных оборотах с компонентом овца присутствует признак «тупой, безынициативный» (ср.: *сбиваться в кучу как овцы* – «вести себя бестолково, неорганизованно, панически, о толпе, скоплении людей»). Риторическое употребление фразеологизма *заблудшая овца* в русском языке мотивировано библейской историей об овце, отбившейся от стада, что создавало в сознании читателей библейских традиций образ человека, сбившегося с правильного пути, откуда он попал в язык.

Яркий пример связи языка с культурой народов приводится туркменским исследователем И. Ровшеновым, который указывает, что зооморфизм *гоч (баран)* в туркменском языке характеризует смелого, отважного, мужественного молодого человека. «Одним из любимых занятий у туркмен, – отмечает он, – издревле является уход за бойцовыми баранами. Почти в каждой семье держали баранов и готовили их к состязаниям. На туркменских свадьбах и различных национальных праздниках бой баранов – один из необходимых ритуалов, в котором баран защищает честь своего хозяина» [1, 15].

Многочисленные ассоциативные связи и аналогии, вызванные явлениями и фактами кочевого быта и закрепившиеся в сознании народа, определяют важные черты национального мышления, служат основой для многих переносов. Яркое проявление метафоризации названий животных обнаруживается в наличии у казахского народа древней традиции, связанной с именованием людей. Многие казахские имена образованы путем сложения названий животных с корнями *-бай, -бек, -хан, -бағар* и др. (*-бай* означает «богач», *-бек* – «знатный», *-бағар* – «пастух», *-хан* – «властелин»): *Ботабай, Құнанбай, Нарбек, Текебай, Серкебай, Жылқыбай, Тоқтыбай, Қойбағар, Малбағар, Бүркітбай, Қоразхан* и др. Такие устаревшие казахские имена, как *Жыланбек, Бөрібас, Көкборі, Байбөрі, Итбай, Итемген*, по поверьям, продлевают жизнь человеку, укрепляют его здоровье. Также известны казахские антропонимы, образованные непосредственно от названий животных и птиц: *Қарлығаш, Бұлбұл, Бота, Ақбота, Балапан, Ақтоты, Құндыз, Марал, Елік, Сұңқар, Жанат* и др.

Таким образом, зооморфизмы находят широкое распространение во фразеологических единицах и сравнениях, истоки которых в историко-религиозных поверьях, мифологических знаниях и культурно-бытовых традициях народов – носителей описываемых языков.

Вопрос отражения зоометафор в языковой картине мира определенного этноса имеет выход в проблемы межкультурной коммуникации, предметом рассмотрения которой является взаимодействие культур и возможность избежать культурного конфликта.

Так, особый интерес вызывает факт использования во многих языках мира для выражения похвалы, комплимента или, напротив, оскорбления названий различных животных. При этом те образные ассоциации, которые последние воплощают в себе, для носителей определенного языка могут совершенно не совпадать со значениями, вложенными в данное название животного другим народом. Поэтому, сталкиваясь с чужим языком в процессе коммуникации или переводческой деятельности, необходимо учитывать многие факторы: «внутренние образы», связанные с зооморфизмом, культурные традиции данной языковой общности др. К примеру, если красивую женщину-японку часто сравнивают с журавлем, то во Франции эта метафора воспринимается как оскорбление, поскольку журавль во французском менталитете ассоциируется с «женщиной легкого поведения». Название птицы гусь характеризует в Германии интеллектуального выскочку, в Финляндии данный образ связан с курицей, во Франции – с дятлом. Пожилые француженки и англичанки употребляют в обращении название птицы утка, которое имеет значение русского обращения «душка, голубушка», тогда как в Японии утка ассоциируется с простаком. Рассмотрим некоторые факты употребления зооморфических метафор, приведенных в статье «Эпитеты, за которые вас могут «обгавкать». Так, автор указывает: «В некоторых культурах животные символизируют порой целую нацию... Американские и южноафриканские расисты объявили чернокожих «*soons*» (енотами). А англичане не упустили возможности заклеить лягушатниками своих старых врагов – французов. Считается, что прозвище «*frog*» (лягушка) объясняется гастрономическим пристрастием галлов к этому роду земноводных, однако первое упоминание об этом можно встретить в «Истории Джона Булля» (начало 18 века). Именно тогда Джон Арбатнот вывел типичного англичанина под именем Джона Булля (т.е. – бык), а типичного француза под именем Николя Фрога (т.е. – лягушка)» [2, 18].

В категорию зоометафор можно включить не только собственно названия животных, но и глаголы, производные от них, так называемые зооморфические глаголы.

Большинство анализируемых зооморфических глаголов выражают отрицательные коннотативные значения, которые отмечаются в словарях пометами «пренебрежительное», «просторечное», «грубо-просторечное», «бранное» и др. Некоторые зооморфизмы, от которых образуются зооглаголы, могут сочетать в себе положительные и отрицательные коннотативные признаки. Таковы, к примеру, зооморфизмы *собака* в русском и *ит* в казахском языке. Несмотря на то, что зооморфические глаголы несут, в основном, коннотативные признаки одной направленности, нередко наблюдается своеобразная противопоставленность в эмоциональной оценочности, ср.: *насобачиться* «научиться ловко что-л. делать, приобрести опыт в чем-л.» имеет положительную оценочность, *присобачить* – «сделать кое-как, недобросовестно, прикрепить, приделать кое-как» употребляется в отрицательной форме и *рассобачиться* – «распутиться» также выражает негативную оценочность. Другой пример: казахские зооглаголы, производные от названия животного *ит*, также изобилуют противоречивыми коннотативными признаками: ср.: *иттену* – «заслужить неуважение, недоверие своим поведением» оценивается отрицательно; также негативную оценочность имеет зооглагол *иттесу* – «жить во вражде, ссориться»; однако глаголы *итырықтау* и *итшілеу* употребляются если не в положительной оценочности, то имеют нейтральную эмоциональную окрашенность, так зооглагол *итырықтау* означает «устать до изнеможения», *итшілеу* – «испытывать невзгоды и лишения»; в употреблении последних также содержится элемент жалости.

Зооморфические глаголы возникают в речи как синонимы существующих глаголов, они имеют в качестве основного только переносное значение и самостоятельного смыслового ряда образовать не могут (например, глагол *лусить* соотносится с глаголом *хитрить*, *түлкілену* соотносится с глаголом *қулану*). Различные зооморфические глаголы могут иметь общую объединяющую сему: ср.: рус. *попугай* и *обезьяна* вступают в синонимические отношения, реализуемые в глаголах *попугайничать* – «повторять чужие слова, мысли», *обезьяничать* – «подражать другому, не имея собственного мнения», где общая сема связана с реализацией понятия «подражание». В казахском языке в качестве примера можно привести глаголы *арыстаншылау* в значении «пытаться добиться несбыточного, непричитающегося», буквально «иметь большие, «львиные» планы» и *қоразсыну*, употребляющийся в значении «вести себя подобно петуху», общей, объединяющей семой является, как в примере с русскими зооглаголами, сема, реализованная в понятие «подражание».

Зооморфические глаголы русского и казахского языков, так же как и существительные-названия животных, представляют собой единицы вторичной номинации и связаны с ассоциативно-фоновыми знаниями носителей русского и казахского языков, в частности с их эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и потому могут считаться культурными концептами.

Метафоризация названий животных применительно к человеку в каждом языке имеет национально-культурную специфику, отражая уникальную способность народа улавливать и фиксировать то или иное сходство между животным и человеком, что, в свою очередь, позволяет давать зооморфическим метафорам лингвокультурологическую и сопоставительную интерпретацию, сопровождая ее анализом многообразия и богатства национальной культуры и мировидения.

Таким образом, зооморфные метафоры являются ярким примером отражения языковой картины мира, культурных ценностей, бытовых традиций, исторического прошлого казахского и русского народов.

Литература

1. Ровшенов И. Зооморфизмы в туркменском и русском языках. – Автореф. дис....канд.филол.наук. – Ашгабат, 1995.
2. Эпитеты, за которые вас могут «обгавкать»// Караван, 24 ноября, 1995.

Томапова Н.М.

*к.ф.н., доцент кафедры русской филологии,
русской и мировой литературы
КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы*

Концептосфера внутреннего мира в произведениях Иннокентия Анненского

Философская лирика Иннокентия Федоровича Анненского всегда привлекала внимание исследователей художественного слова (работы Д.Е.Максимова, Б.А.Ларина, Л.Я.Гинзбург, А.В.Федорова, И.И.Подольской, И.В.Корсцкой, В.С.Баевского, Ю.М.Лотмана, Р.Д.Тименчика, Е.П.Бернштейна). Происходит это не только потому, что без рассмотрения поэтического наследия этого мастера слова невозможно нарисовать полную картину развития русской поэзии в эпоху «Серебряного века», но и потому что Анненский – один из тех немногих поэтов, которые оказали наибольшее влияние на всю поэзию XX века, подготовив своим творчеством целую плеяду русских поэтов, таких как А.Ахматова, Н.Гумилев, О.Мандельштам и др.

Лирика И.Ф.Анненского принадлежит поэзии мысли, заложенной в русской литературе 18 века в философских одах М.В.Ломоносова и Г.Р.Державина. В лирике Анненского отразились размышления поэта о мироощущении современного ему человека, а также горячие отклики на социальные проблемы общества. Лирические произведения И.Ф.Анненского – это «результат огромной внутренней работы, пристального чтения поэтов – русских и иностранных – и классиков русской прозы, наблюдений над живой речью, раздумий о сущности и цели поэзии, литературы, искусства вообще» [1; 79].

Л.Я.Гинзбург определяет Иннокентия Анненского как «поэта интеллектуальных структур» [3;311] Анненский был не только поэтом, но и драматургом, критиком, переводчиком, филологом, как многие литературные деятели того времени, наконец, мыслителем – его лирические коллизии построены на вечной философской проблеме отношений искусства и жизни. К решению этого вопроса он подходит с этической позиции: «Я чувствую себя ответственным за целый мир, который бессознательно во мне живет и который может в данную минуту заявить о своем существовании самым безумным. Может быть, даже гнусным желанием, причем это желание будет не менее назойливо мое, чем любое из воспитанных мною и признанных окружающими культурных намерений». Эта ответственность за все пережитое обуславливает социальные темы, а также мотив совести, сыгравший определяющее значение в русской прозе 19 века и в поэзии Иннокентия Анненского.

Философско-лирические раздумья поэта перекликаются с мыслями известного филолога М.М.Бахтина в статье «Искусство и ответственность», опубликованной спустя десять лет после смерти Анненского (1909), в 1919 году: «Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своею жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Не только понести взаимную ответственность, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна быть сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности» [2;7-8].

II. ЯЗЫК. СОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА.
Национально-культурная специфика слова, текста, дискурса, коммуникации

<i>Абаева Ж.С.</i> Истинностная оценка в газетном тексте	80
<i>Абилхасимова Б.Б., Туребекова Р.С.</i> Идеологема классовости в текстах послереволюционных газет Казахстана	82
<i>Аладьина Л.А., Минайдарова М.Е.</i> Разговорный синтаксис как стилистическая особенность прозы Т. Толстой	86
<i>Амирова Ж.Р.</i> Природа субстантивации и её типы	89
<i>Ахметжанова А.И.</i> К хронологическим обоснованиям памятников древнепоркского письма	92
<i>Илхан Йылдырым</i> Невербальные средства коммуникации в разных культурах и их процессы освоения в лингвистике	96
<i>Исмаилова Ж.А., Полякова Н.В.</i> Языковой портрет пользователя казнета (на материале сайта www.Tengrinews.kz)	98
<i>Капасова Д.А., Чекина Е.Б.</i> Новый взгляд на структуру текста научного описания	102
<i>Козай Э.Р.</i> Концепт «время» в индивидуально-авторской картине мира А. Кима	105
<i>Ли В.С.</i> О прикладных аспектах современной лингвопрагматики	110
<i>Мухамадиев Х.С.</i> Воплощение концепта <i>учитель</i> в образе аль-Фараби	113
<i>Мучник Б.С.</i> Цитирование как фокус	116
<i>Махметова Д.М.</i> «Принцип дополнительности» в соотношениях «художественный текст – информативный текст», «исходный текст – переводной текст»	126
<i>Несипбаева З.С., Жуписова Д.К.</i> Основные приоритеты поликультурного образования в современной социокультурной ситуации Казахстана	129
<i>Рафаэль Гусман Тирадо</i> Категория состояния в русском языке и ее соответствия в испанском	131
<i>Сансызбаева С.К.</i> Зоометафоры в языковой картине мира	134
<i>Томапова Н.М.</i> Концептосфера внутреннего мира в произведениях Иннокентия Анненского	138
<i>Туманова А.Б.</i> Отражение национального сознания в языковой картине мира русскоязычного писателя-казаха	141
<i>Хайрушева Е.Е.</i> Из опыта поэтической концептуализации	144
<i>Шинтемирова А.М.</i> Отражение божественной красоты в суфийской поэзии	147
<i>Юрицына И.Ю.</i> Влияние экстралингвистических факторов на формальную организацию статейных списков	150
 III. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	
<i>Алтынбекова О. Б., Зуева Н. Ю.</i> Учебно-методические комплексы русского языка для 12-летней модели образования в Казахстане	154
<i>Аманбаева Ю.К.</i> Диагностика активности в учебной деятельности	157

Научное издание

VI Багизбасевские чтения

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

*Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию
Казахского национального университета имени аль-Фараби*

Алматы, 25 апреля 2014 года

ИБ № 7245

Подписано в печать 21.04.2014. Формат 60x84 1/16.

Печать цифровая.

Объем 22,2 п.л. Тираж 80 экз. Заказ №816.

Издательство «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательства «Қазақ университеті».